

«Демоны прошлой жизни» Екатерины Островской — по-настоящему новый роман. Великолепный и легкий детектив с закрученным, невероятно стремительным, но вполне логичным сюжетом, изысканной и тонкой любовной линией и совсем уж неожиданной развязкой. Нет-нет, всё заканчивается, безусловно, хорошо, именно так, как мы любим, — сейчас я не выдаю тайну и не пытаюсь пересказать роман, я просто следом за автором обещаю: все будет хорошо!

Екатерина Островская по-прежнему способна удивлять. «Демоны прошлой жизни» — не только витиеватое и захватывающее детективное действо, которого мы все так ждем и на которое надеемся, открывая книгу. На сей раз у автора получилось нечто большее. Екатерина своим острым чутьем настоящего литератора-детективщика угадала то самое идеальное соотношение тайны, размаха и правды — и написала увлекательную, необыкновенную даже на первый взгляд историю, которая, стремительно развиваясь, превращается в головокружительный роман. До самых послед-

Татьяна УСТИНОВА _____

них страниц романа невозможно угадать, куда выведет лихо закрученный сюжет, кто окажется предателем, кто убийцей и откуда ждать помощи!

Кроме интересного сюжета и необычной фабулы, у «Демонов прошлой жизни» есть еще одно очень важное для меня — как для читателя — преимущество: великолепно прописанный антураж. Читая по-настоящему хорошо написанную книгу, то и дело оказываешься будто бы внутри повествования: видишь, слышишь и осязаешь то же, что и герои, становишься их верным спутником. Екатерине Островской удался отличный детектив!

Татьяна Устинова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел Кудеяров подъехал к шлагбауму, перегораживающему въезд на узкую улочку, и остановился. Почти сразу к водительской двери его «Хонды» подошел сотрудник охранной фирмы в униформе и жестом показал, что здесь стоять нельзя. Не обращая на него внимания, Кудеяров открыл дверь и вышел.

— Не понял, что ли? — возмутился охранник.

Павел достал служебное удостоверение, раскрыл его. Человек в униформе молча отошел. Зато тут же возник местный участковый Николай Францев.

— Привет, — поздоровался он. — По старой памяти сюда, что ли? Ваши уже были. Только что укатили. Пофотографировали, а с народом говорить не пожелали, опросили только свидетельницу, которая тело обнаружила.

— Кто она?

— Учительница местной школы. Я попросил ее не уходить пока.

И Францев показал на девушку, стоявшую у высокого металлического забора.

— Убили кого, спрашиваю? — уточнил свой вопрос Кудеяров.

— Карина Сорокина. Помнишь такую?

— Смутно.

— Разве? — не поверил Францев. — Ее весь поселок знал. Эффектная особа! Ты должен ее помнить: сам же здесь участковым был.

— Полгода всего, да и когда это было.

Они прошли по пешеходной дорожке вдоль длинного ряда трехметровых туй и остановились возле нарисованного мелом на брусчатке силуэта человека.

— Убийство произошло ориентировочно с половины седьмого вечера и до семи. Карина приехала на электричке. Нашлись свидетели, которые видели, как она сходила со станции, потом заглянула в синий магазинчик, но ничего там не купила, шла мимо Дома культуры. А потом уж ее обнаружила мертвой Горелова.

— Которая учительница?

Францев кивнул.

— Карину задушили. На горле следы от удувки. Короче, страшная смерть и, судя по всему, для нее неожиданная, потому что не пыталась кричать или убежать. Хотя здесь место тихое, даже если будешь во все горло орать, никто и не услышит...

— Ценные вещи, деньги пропали?

Участковый покачал головой.

— В сумочке почти семнадцать тысяч, на руке часики, золотой браслетик-цепочка, сережки

золотые. Следов сексуального насилия нет. Да и одежда на ней не повреждена. Кто-то сзади накинул удавку и почти сразу опустил на землю. Видишь, как нога у нее подогнута?

Участковый показал на нарисованный мелом силуэт, но Кудеяров смотреть не стал.

— На этой улочке, судя по заборам, не бедные люди обитают, — заметил он. — Неужели нет камер наружного наблюдения?

— Есть, разумеется. Сейчас Погудин как раз этим занимается. Он, кстати, помог и оцепление организовать. А то набежала бы толпа, затоптали бы следы. То есть толпа набежала, но ее оттеснили, а потом все разошлись, потому что все равно ничего издалека не видно.

— Погудин? — попытался вспомнить Павел. — Знакомая фамилия.

— Знаешь ты его. Погудин был начальником районной ВОХР. А потом, после всех пертурбаций, здесь осел, открыл охранную фирму. Устанавливает сигнализации на дома, на автомобили. Охраняет магазины местные. Сейчас он пошел по соседям, проверять записи камер наружного наблюдения. Его собственный дом, кстати, первый по четной стороне. Так что почти у него под окнами это и произошло. Но Алексей Алексеевич говорит, что из-за этих туй вряд ли что видно будет — так плотно их тут насажали.

— Другие соседи видели что-нибудь? Опрашивали их?

Францев кивнул. Помолчал и произнес:

— Никто и ничего. Да тут уважаемые люди живут. Сам знаешь.

— Не знаю. Эту улицу уже после меня проложили. При мне здесь лес был. Сосны, полянки. Пьяницы в летнее время приходили бутылочку распить, компашки собирались летом на шашлыки, но за это я гонял, а потому мало кто к озеру ходил.

На дорожке появился плотный человек лет сорока пяти и направился к ним. Это и был Погудин. Подошел, поздоровался за руку с Павлом и поинтересовался:

— Есть ли какие-нибудь версии у следственного комитета?

— Он только что приехал, — объяснил за Павла участковый.

Погудин кивнул, покосился на нарисованный силуэт, вздохнул и тут же произнес:

— Эти, которые на дежурной машине сюда подкатили, никаких практических действий не производили. Сказали, мол, убийство криминальное, а не несчастный случай, не бытовуха, так что все равно следственный комитет этим заниматься будет. А я, уж не взыщите, местность осмотрел и записи видеонаблюдения проверил. Так что докладываю. Ничего на камерах не видно из-за деревьев. Как назло, именно этот участок в мертвой зоне. Еще есть камеры на отделении банка, на Доме культуры, на здании школы, то есть на

всех объектах, мимо которых проходила Сорокина. Мой заместитель в нынешней моей конторе, а он, между прочим, бывший опер, все записи с тех камер просмотрел и доложил, что Карина шла быстро, словно спешила куда-то. Шла она одна. За ней никто не бежал и даже не двигался с равной ей скоростью. Да и вообще мужчин на записи нет. Предполагаю, что убийца поджидал свою жертву на тропинке, которая ведет отсюда в лес. Убил и скрылся. На все про все ему потребовалась минута-полторы. Приехал бы кинолог с собакой, то был бы шанс, а так... Теперь-то уже точно бесполезно.

— Если он через лес ушел, то и собака не помогла бы. Убийца обошел поселок, вышел на трассу — до нее отсюда всего километр-полтора, а потом сел в машину или в автобус, и все. Гуляй, Вася, как говорится, — высказал свое мнение участковый Францев.

И покрутил головой, словно высматривая кого-то.

Девушка возле забора все так же стояла.

— Учительницу отпусти, — шепнул Кудеяров участковому.

— Совсем забыл! — встрепенулся тот и посмотрел на Павла: — Не будешь ее опрашивать?

— Куда уж! Десять вечера почти. А она и без того намаялась. Завтра с утра под запись все расскажет.

Францев махнул рукой девушке.

— Ты, это самое, Вика, иди уж!

Молодая учительница отошла от забора, направилась в поселок и, минуя их, кинула быстрый взгляд на Павла, которого в отличие от двоих других мужчин не видела никогда.

— До свидания, — кивнула она.

— До завтра, — откликнулся участковый.

Францев продолжал смотреть ей в спину, а когда девушка отошла уже на значительное расстояние, произнес, очевидно, для Кудеярова:

— Хорошая девчонка. Скромная. Представляю, как она испугалась, когда труп обнаружила.

— А вообще куда она шла?

— Кто? — не понял участковый и переспросил: — Сорокина?

— Да эта самая, как ты говоришь, скромная учительница. Школа в другой стороне, а на этой тихой улочке проживают люди, с которыми она вряд ли приятельствует.

Францев пожал плечами.

— Да как-то и не поинтересовался. — И посмотрел на бывшего начальника районной ВОХР.

— Ладно, — сказал ему Погудин. — Я сейчас сниму своих людей с оцепления и домой пойду, а то мне все это как-то не по душе.

Участковый обернулся к Павлу:

— А ты что, сейчас в город, а утром опять сюда?

Кудеяров кивнул.

— А смысл? — удивился бывший начальник районного отдела ВОХР. — Зачем тебе мотать-

ся, зря бензин жечь? Только чтобы переночевать в своей постели? Оставайся, у меня домик для гостей есть, банька опять же. Посидим, побеседуем. И ты, Коля, тоже с нами. Вдвоем что за беседа — пустой треп, а вот вдвоем если, то это уже важный разговор.

— Нет, — покачал головой Францев, — товарищ майор у меня переночует. Нам надо происшествие обсудить, и вообще... У меня уже имеются кое-какие соображения по этому поводу.

Погудин развел руками.

— Ну как знаете, мое дело предложить. — Он шагнул в сторону. И остановился. — Мой совет: побеседуйте с Аленой Сорокиной, она близкая подруга убитой, наверняка многое рассказать может. Она, кстати, появлялась здесь. Минут пять ошивалась, поплакала и ушла.

— Я видел, — махнул рукой участковый. — Хотел подойти и спросить. Но потом подумал, что она, если что-то знала, сама бы подскочила...

Павел не собирался оставаться, но предложение переночевать в городке поступило так внезапно, что он не успел отказаться. Хотя в этом был смысл, зачем ехать домой в пустую квартиру, а потом возвращаться, когда можно не только не тратить время и бензин, но и узнать многое, что может помочь расследованию?

Когда участковый сел в машину, Кудеяров вспомнил:

— Фамилия убитой Сорокина, и подруга ее — тоже Сорокина. Случайно?

— Так они почти родственницы: мужаь обеих — родные братья. Хотя Карина уже развелась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В Ветрогорске Кудеяров был участковым чуть более полугода. Небольшой городок стал первым местом его службы. Да и в полицию Павел попал случайно. Перед самым окончанием университета к Кудеяровым зашел брат Пашкиного отца — полковник полиции, который, сев за накрытый стол, сразу заявил:

— Ну и кем ты теперь будешь, племянничек? Учителем истории? Будешь малолетним идиотам вдальбивать то, что они и знать не хотят. Потом, лет через двадцать, если повезет, назначат тебя директором школы и вообще продыху тебе не дадут: за успеваемостью следи, за ремонтом тоже, денег на ремонт хватать не будет, и ты начнешь с родителей трясти. А если кто из учеников закон нарушит, тебя еще и виноватым назначат. И отчеты еще, бесконечные отчеты... Мое предложение: поступай к нам в полицию. Должность я тебе подыщу, ты постепенно в курс всего войдешь. Только учти: ни к себе в отдел не возьму, ни на тепленькое какое местечко не сядешь, а на земле будешь трудиться. Где-нибудь в области, в тихом городке, где преступлений никаких, да и начальство далеко.

Паша посмотрел на родителей, те молчали, очевидно, заранее предупрежденные о таком предложении.

— А с зарплатами как у вас? — осторожно поинтересовалась мама.

— Сейчас все отлично: участковый получает раза в два, а то и в два с половиной раза больше, чем учитель в школе. И опять же уважение народа. А участковые пользуются сейчас особым уважением. Предположим, вышел ты на местный рынок, чтобы за порядком приглядеть, а тебе со всех прилавков — кто баночку грибков, кто огурчиков или колбаски домашней. Братъ, конечно, не стоит, но, с другой стороны, тогда уважать не будут. Ведь они — люди эти — рассчитывают, что ты к ним в любое время, хоть в ночь, хоть за полночь, в стужу и в дождь придешь, ежели у них беда. Придешь и поможешь. А так, если отказываешься, значит, потом имеешь право сказать: рабочий день закончился, господа, по всем вопросам в приемные часы во вторник и в четверг. Понятно?

— Конечно, — согласилась мать. — Я тоже грибы мариную, компоты делаю и соседям раздаю.

— Вот, — согласился полковник Кудеяров. — Так и должно быть. Тем более что участковый... Настоящий участковый — это ближе, чем сосед, потому что соседи — они разные бывают, а участковый — он...